

Все, что написано в этой книге, — плод авторского воображения. Любые совпадения с действительностью: события, имена героев, описываемые места — чистая случайность.

*Посвящаю Эли, моему замечательному сыну,
лучше которого нет.*

*«Такова природа зла Флорентийского Монстра. И такова
природа зла в каждом из нас. В каждом из нас живет Монстр
того же вида, различие лишь в силе»*.*

Дуглас Престон, Марио Spezi «Флорентийский Монстр»

* Перевод Г. Соловьевой. — (Здесь и далее прим. пер.)

Глава 1

Он постучал в дверь, но я открываю не сразу. Глядя в дверной глазок, внимательно его рассматриваю. Рано или поздно — это лишь вопрос времени — совсем перестану его узнавать. Будет стоять передо мной все тот же человек, а я буду на него смотреть неузнающим взглядом. Как моя мать, что поглядывала на меня искоса и спрашивала, кто я.

Его темные густые волосы включены, такое ощущение, что он давно не ходил в парикмахерскую. Под пышной бородой совсем не видно рта.

Не зная, что за ним наблюдают, он смотрит по сторонам. Постучал еще раз, я отрываюсь от глазка и поворачиваю ручку. Распахнув дверь, неуверенно улыбаюсь. Наши взгляды встречаются. Поначалу он никак не реагирует. Лицо точно застыло, хотя, может, из-за густой бороды мне просто не видно улыбки.

Он шагнул вперед.

— Мама.

— Хадсон, — отвечаю я, уткнувшись ему в плечо. Пахнет древесиной, хвоей и слегка пряной гвоздикой. Чужой запах, выражающий все те годы, что мой сын провел вдали от дома. Но за этим непривычным запахом, за этой бородой и копной волос прячется мой мальчик. Малыш, которому на ночь я когда-то читала

сказки и с которым, сидя на полу, часами играла в машинки. Малыш, который когда-то плакал у меня на плече и которого, держа за пухлую ручку, я переводила через дорогу. Слишком долго его обнимаю. Он сжимает меня уже не так крепко, потом совсем опускает руки, а я все держу.

Нехотя отпускаю. Прислонившись к дверному косяку, гляжу ему через плечо. У тротуара, напротив нашего крыльца, от которого вниз спускается завитком широкая лестница, стоит машина. Старенькая «Хонда-Цивик», серая краска выгорела и местами облезла.

— Бери вещи и заходи, — предлагаю я.

— Да, хорошо. — Он наклоняется, берет спортивную сумку, что стоит у ног, закидывает ее на плечо и проходит.

— Это все? — недоуменно спрашиваю я.

Он кивает; не понимаю, чему я удивляюсь. Последние пару лет он жил словно бродяга: ночевал у друзей, иногда снимал комнату у незнакомцев. Выражая презрение к брату, Кендра не раз говорила, что жить вот так она никогда не будет. И это правда. *Так* она не живет. Безопасность для нее — превыше всего. Но меня восхищает бесстрашие Хадсона, с какой легкостью он рискует.

Хадсон уехал от нас, когда ему исполнилось восемнадцать, будто только того и ждал, как бы оказаться от нас подальше. Но пропасть между нами образовалась задолго до этого.

Грудничком он улыбался лишь у меня на руках. Научившись ходить, все время вертелся под ногами. Началась школа, и все равно он ходил за мной хвостиком, тянулся ко мне своими вечно липкими ладошками. Но позже, когда ему исполнилось девять,

всю себя я посвятила музыкальной группе «Танец сердец».

Я часто пропадала на репетициях, тогда Хадсон привязался к отцу. Но я его не виню: надеюсь только, что однажды он поймет, почему меня не было на его выпускном и школьном балу. Из-за больших амбиций можно многое упустить, и так часто бывает с мамами, которые много работают. Как несправедливо! Даррен умер пять лет назад, с тех пор мы с сыном мало общались, он приезжал всего пару раз. Будто ниточка, что нас соединяла, оборвалась. А, может, дело не в смерти Даррена, а в том, что я выбрала вместо сына работу, не занималась домом.

И все же я скучала по моему мальчику — по малышу, что садился со мной рядом на диване и накрывал ладошкой мою руку, словно пытался удержать меня.

Он приехал.

Мне нужно, чтобы Хадсон был рядом, и вот он здесь.

Пару дней назад Кендра с обидой сказала: «Конечно, ему же больше некуда пойти».

Я провела его в дом. Хотелось еще раз обнять сына — руки то и дело непроизвольно тянулись к нему, но близко к нему не подходила, борясь со своим желанием.

Я помню его угрюмым подростком с брекетами, как он постоянно повторял: «Мама, я уже не маленький!»

Ему пошел третий десяток, и я совсем не понимаю, как мне себя вести. С Кендрой такого не было. Уже в пять лет она начала строить из себя взрослую: всеми командовать, ни от кого не зависеть, брать на себя ответственность. Хадсону же, чтобы повзрослеть, потребовалось чуть больше времени.

— Располагайся, тебя ждет твоя комната.

Все никак не привыкну к мысли, что Хадсон вернулся. Вернулся в комнату, где он рос. С тех пор все так изменилось!

— Меня ждет комната? — Его спина напряглась, голова слегка склонилась набок.

— Да, что-то не так?

Я не знала, где еще его можно разместить. В комнате Кендры? В рабочем кабинете Даррена?

— Нет, все в порядке. — Он провел рукой по волосам, рукав футболки задрался, и я заметила вокруг правого предплечья татуировку. Но что на ней изображено — непонятно. — Просто... Ну... Я так давно там не был.

Он стал подниматься по лестнице, я хотела пойти за ним, но удержалась. Обхватив себя руками, прислонилась спиной к стене и смотрела на то, как он поднимается по ступенькам.

Хадсон никогда не отличался болтливостью. Вот его сестра — болтушка. Я даже шутила по этому поводу: все слова, которые были в доме, она забрала себе, ничего нам не оставив. Но сегодня его молчание меня пугает.

Услышав, как он закрыл дверь в комнату, я выдохнула с облегчением. Оттолкнулась от стены и пошла на кухню заваривать чай. На ногах домашние тапочки. Под моими шагами скрипят половицы. На стене тикают часы. На заднем дворе лает Боуи. Не считая этих звуков, как всегда гробовая тишина. Женщина и пес — единственные обитатели этого огромного дома в викторианском стиле.

Впервые увидев этот дом, я почувствовала, как он меня притягивает. Зовет шепотом, манит костлявым указательным пальцем. Эффект сродни гипнозу.

Я стояла на тротуаре и как заколдованная смотрела на внушительную лестницу, закрытые ставнями окна, остроконечную крышу и вспоминала бабушку. Не потому, что у нее был точно такой же дом, а потому, что она была высокого роста, величественна, и на ее фоне все остальные меркли. Этот дом производил такой же эффект.

Дома по соседству были низкие, одной высоты, с парой ступенек ведущими к небольшим крылечкам. Тот дом возвышался над ними, к огромной веранде вело множество ступеней. Только у него было свое лицо.

— Только представь, сколько тайн хранит этот дом, — прошептала я.

Слова вылетели белым паром и рассеялись в воздухе, словно сигаретный дым. Даррен молча меня обнял, и мы, окутанные холодным январским воздухом, пошли к входной двери. Кендре было всего семь, а Хадсону — пять, их мы оставили с няней.

Нашему агенту по недвижимости Яну не сразу удалось открыть замок, пришлось повозиться. С каждой секундой Даррен нервничал все больше — на лице напряглись скулы, он крепче прижал меня к себе.

Даррену казалось, что я не замечаю его состояние, не выдержав, он раздраженно вздохнул. Я понимаю: мой выбор ему не по душе. Меня это не удивляет. Он говорил, что хотел бы дом поновее: с гранитной столешницей, потолочными плинтусами и современной техникой. Но когда мы смотрели другие дома, те, которые нравились Даррену, я в них словно задыхалась. Было не по себе. Я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег.

Я мечтала о доме с историей. Чтобы слышать бие-ние его сердца. Его голос. По словам Яна, за десять лет

этот дом повидал множество владельцев, но последние несколько месяцев пустовал. И вот мы его купили. Он нуждался в любви, заботе и ласке — это было понятно. Местами краска потрескалась и облезла, а в одной из комнат висели странные обои: фон красный, а на нем черные круги, как будто летающие головы.

— Ну и старье, — произнес Даррен.

— А я в восторге! — возразила я.

Наш агент улыбнулся. Несмотря на все споры, связанные с покупкой этого дома, я обрела в нем покой. Уют. В его стенах я стала рыбой, наконец оказавшейся в воде, и теперь спокойно могла дышать жабрами.

К тому же я всегда хотела жить ближе к центру, так что все сложилось как нельзя лучше. Я только начала петь в новой музыкальной группе «Танец сердец», и в планах были концерты в местных барах и клубах.

Лишь после переезда я прочла в газетах, что в нашем доме пятьдесят лет назад при странных обстоятельствах погибла шестилетняя Грейс Ньютон. Упала с лестницы. Смерть от кровоизлияния в мозг.

В ходе расследования установили, что произошел несчастный случай, но многие соседи и друзья семьи думали иначе. Кое-где писали, что за несколько месяцев до смерти на теле девочки видели следы побоев. Кроме того судмедэксперт отметил, что синяки и порезы были давние. Падение с лестницы тут явно ни при чем.

Почти все вокруг уверены, что в нашем доме живет призрак Грейс. Она блуждает по коридорам, играет на чердаке, гуляет по заднему дворику.

Услышав впервые эти сплетни, Даррен назвал их чепухой. Но я сразу поверила. Как только мы переехали сюда, я стала чувствовать ее присутствие. Дыхание

в затылок. Движение воздуха. Иногда, когда я фотографировала детей в комнате Хадсона, после проявки на кадрах появлялись белые пятна. Я не шучу. Вот почему я думаю, что Грейс когда-то жила в комнате Хадсона.

Над головой включается кондиционер — я пугаюсь. Крепче обнимаю себя руками.

Страшно подумать, что у Хадсона и Грейс так много общего. Оба младшие дети в семье. Судя по всему, жили в одной и той же комнате. Я видела фотографию Грейс: темные волосы, карие глаза, как у Хадсона. Очаровательная улыбка, та же ямочка на левой щеке. Но самое поразительное: жизнь обоим поломала смерть, такая преждевременная, такая загадочная.

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел тигр погулять...*

На выходных мама повела нас в зоопарк. Больше всего мне понравились тигры. Один тигр прижался мордой к стеклу, я рассмеялся. Жаль, что в вольер не попасть, я бы его погладил.

— Нет, тигра лучше не трогать, — сказала мама, тихонько цокнув.

— Почему это? — спросил я, уставившись на маму широко раскрытыми глазами. — Он очень похож на Декстера, а Декстера я гладить люблю.

— Что еще за Декстер? — удивилась мама.

— Кот Клиффа. — Клифф — наш сосед. Его кот иногда приходит к нам во двор и гуляет по лужайке.

— Ах, да, точно. Но Декстер — кот, — сказала мама, — а это тигр.

Я уставился в стекло, стоял так близко, что касался его кончиком носа. Тигр не спеша прокрался мимо

и потянулся, прямо как Декстер. На правой ноге начал сползать носок, поначалу я решил, что это жук ползет. Я нагнулся и хотел смахнуть его, но жука не увидел — подтянул носок.

— Тигр классный, — восхитился я.

— Классный — не значит не опасный, — ответила мама. — По своей природе тигр хищник.

Энди оттолкнулась от стекла и отошла от вольера:

— Не хочу больше смотреть тигров! Я их боюсь, — она глядела на маму глазами, полными слез, нижняя губа тряслась. Сжала коленки вместе, кружева на гольфах зашуршали, словно листва на ветру.

— Маленькая моя, не плачь. — Мама обняла ее, и они пошли в другую сторону.

Нехотя пошел за ними. Мы завернули за угол, тут сестра показала на обезьян и запищала:

— Пойдем туда!

Мне это не понравилось. На обезьян мы смотрели уже два раза. Почему бы не пойти к тиграм?

Энди повернулась ко мне и показала язык. Я злобно на нее посмотрел, и в этот миг в моей голове пронеслись мамины слова: «Классный — не значит не опасный».

Глава 2

Готовлю ужин, на стене висит календарь, напоминая, почему я попросила Хадсона приехать. И от этого напоминания мне дурно. Каждый день расписан. Отмечен каждый шаг, как бы чего не забыть. Весь холодильник увешан яркими стикерами — где я оставила ключи, сумку, во сколько выпить таблетки.

Но не всегда так было.

Началось все с малого. Вот хотела что-то сказать — раз и забыла. Не вспомнить больше. Потеряла ключи, спустя несколько часов нашла, но как их там оставила — не помню. Не туда клала вещи. Убирала в места, где их точно быть не должно. Пару раз забывала покормить Боуи.

Насколько все плохо, я поняла месяц назад.

Примерно в шесть вечера мне в ужасе позвонила Кендра:

— Ты еще дома? — спросила она, тяжело дыша.

Подогнув под себя ноги, я сидела на диване с бокалом вина.

— А где мне еще быть?

— Мам, ты серьезно? — в голосе проступило негодование. — Мы же договорились: сегодня ты сидишь с Мейсоном.

— Неужели? — Поставив бокал на край стола, я слезла с дивана и быстрым шагом направилась на кухню.

— Да, у меня занятия, а Тео работает допоздна, — раздраженно сказала она, словно такое повторяется не раз. Но я об уговоре совсем не помню.

Останавливаюсь у настенного календаря. Кендра уговаривала меня освоить календарь в телефоне, но я предпочитаю по старинке. Мне нравится, что он висит напротив, его можно потрогать. Кендра наверняка ошиблась. Может, она просто забыла попросить. При взгляде на сегодняшний день, во рту пересохло.

«Мейсон, 17:30». Мой почерк.

— Вот же! — стукнула я себя по лбу. — Совсем забыла. Скоро буду!

Хорошо, что выпила всего один бокал вина.

— Не стоит, — раздался в трубке тяжелый вздох. — На занятия все равно уже опаздываю.